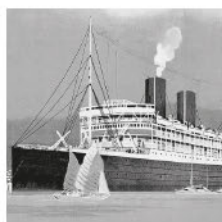
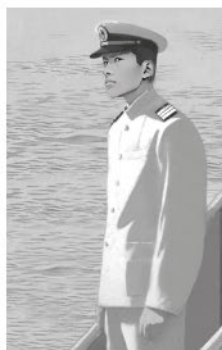

Изящная
классика
Востока

Юкио
Мисима

Моряк,
которого
разлюбило
море

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
М 65

Yukio Mishima
GOGO NO EIKO

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1963
All rights reserved

Перевод с японского Юлии Чинаревой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-28924-6

© Ю. Ф. Чинарева, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука*

Часть
первая
Лето

Глава 1

Пожелав сыну спокойной ночи, мать заперла Нобору в спальне. А если в доме случится пожар? Мать, конечно же, клянется, что первым делом бросится отпирать его дверь. Интересно, что она скажет, если дверь перекосит от жара, или замочную скважину забьет гарью, или заклинит замок? Тогда ему придется прыгать в окно... Но ведь под окном его спальни — бетонная площадка, а второй этаж дома безнадежно высок.

Поделом ему. Запирать Нобору стали после того, как однажды ночью он сбежал, поддавшись на уговоры Главаря. Сколько его потом ни мучили расспросами, имени приятеля он так и не выдал.

За время оккупации их дом на холме Ятодзака — Йокогама, район Нака-ку, квартал Яматэ-тё, — выстроенный покойным отцом, был реквизирован для поста офи-

церов чужой армии, его перестроили и установили туалеты даже в спальнях второго этажа. В общем-то, нынешнее заточение не причиняло Нобору неудобств, но для тринадцатилетнего подростка выглядело довольно унижительным.

Однажды утром — он тогда был в доме один — Нобору с досады тщательно обследовал свою комнату.

Граничащая с материнной спальней стена представляла собой огромный встроенный комод. Когда, вымещая обиду, он вытащил из него все ящики и расшвырял по полу одежду, обнаружилось, что одна из ниш пропускает в комнату свет.

Сунув в нее голову, он стал искать источник света. Им оказалось яркое летнее солнце, отраженное от моря и заполнившее пустую соседнюю комнату.

Если как следует изогнуться, можно устроиться в нише. Даже взрослый, хорошенько скрючившись, мог втиснуться сюда по пояс.

Сквозь щель родительская спальня показалась Нобору совершенно незнакомой.

Слева у стены блестит латунью двуспальная кровать в новоорлеанском стиле, выпи-

санная отцом из Америки, да так и оставшаяся после его смерти. Кровать аккуратно застелена белым ворсистым покрывалом с большой буквой «К»: фамилия у Нобору — Курода. На покрывале валяется темно-синяя соломенная шляпа с длинной бирюзовой лентой. Голубой вентилятор на ночном столике. Справа у окна овальный трельяж — из небрежно прикрытых створок льдинкой торчит острый угол зеркала. На трельяже полно бутылочек с одеколоном, пульверизаторов для духов, а еще лиловая бутылка с лосьоном и сверкающая гранями шкатулка с пуховкой, из богемского стекла... Рядом, словно сухая ветка криптомерии, свернулись темно-коричневые кружевные перчатки.

У стены напротив трельяжа диван, торшер, два стула, изящный столик. К спинке дивана льнут пальцы с незаконченным вышиванием. Теперь это немодно, но мать любит всякое рукоделие. Узора отсюда почти не разглядеть, видно только вышитое наполовину крыло птицы, кажется разноцветного попугая, на серебристо-сером фоне. Тут же валяется чулок. Тонкий бежевый чулок, обвивающий дамасский плетеный диван, наполняет атмосферу в комнате странной тре-

вогой. Видимо, перед выходом мать заметила на чулке стрелку и наспех переоделась.

В окне только яркое небо и облако, отражающее море и из-за этого кажущееся тугим и глянцевым, будто покрытым эмалью.

Помещение, которое разглядывал сейчас Нобору, ничем не походило на привычную материну спальню. Казалось, он подглядывает в комнату отлучившейся незнакомки. Каждый уголок здесь дышал безупречной женственностью. В воздухе витал отзвук печального аромата.

Внезапно Нобору посетила странная мысль.

А каким образом возникла эта щель? Сама по себе, или же в доме, где еще недавно стояли на постое оккупанты...

Нобору вдруг представил, как в пыльной нише, где сейчас скорчился он сам, устраивался, скрючившись, какой-то солдат. При мысли об этом воздух в тесном пространстве резко сделался кисло-сладким и едва выносимым.

Извиваясь всем телом, Нобору задом выбрался наружу и бросился в соседнюю комнату.

Никогда он не забудет того странного чувства.

Помещение, куда он ворвался, совершенно не походило на виденную им загадочную комнату — перед ним была привычная и скучная спальня, вновь превратившаяся в место, где вечерами мать, отложив вышивание и позевывая, помогала ему с домашним заданием. Где она ворчала и жаловалась и где выговаривала ему за вечно криво повязанный галстук. Где внушала ему, что хватит то и дело бегать в мамину спальню якобы взглянуть на кораблики — он ведь уже не ребенок. Где сверяла принесенную из магазина бухгалтерскую ведомость или, подперев щеку, подолгу сидела над таможенными декларациями.

Нобору исследовал щель с этой стороны.
Сразу и не найдешь.

Если хорошенько приглядеться, то там, где по верху деревянной облицовочной панели бежит бордюр со старинной тонкой резьбой, в одном из фрагментов резьбы, среди набегающих друг на друга волн, ловко прячется щель.

Так же стремительно вернувшись в свою комнату, он свернул и сунул на место раз-

бросанную одежду, аккуратно задвинул ящики и мысленно поклялся не делать в дальнейшем ничего такого, что могло бы привлечь к комоду внимание взрослых.

С тех пор как Нобору обнаружил щель, он — как правило, в те вечера, когда мать особенно к нему придиралась, — едва за ней поворачивался ключ, беззвучно выдвигал ящик и подолгу глядел, как она собирается ко сну. В те вечера, когда она бывала с ним добра, он никогда не подглядывал.

Нобору узнал, что перед сном мать всегда раздевается догола, даже если в доме не очень жарко. Большое зеркало находилось в скрытом от его глаз углу комнаты, и, если голая мать подходила к зеркалу слишком близко, подглядывать за ней становилось трудно.

Тело тридцатитрехлетней женщины, регулярно посещавшей теннисный клуб, было все еще стройным и красивым. Обычно перед сном она с головы до ног натиралась духами, а иногда усаживалась на пол перед зеркалом и, уставившись в него рассеянным взглядом, сидела неподвижно, распростра-

няя вокруг аромат духов, такой сильный, что слышно было даже Нобору. В такие моменты Нобору холодел, принимая за кровь алый лак ее ногтей.

Впервые в жизни он так внимательно рассматривал женское тело.

Плечи спускались плавной береговой излучиной, шею и руки покрывал легкий загар, а от основания груди начинались словно светящиеся изнутри белые плодородные поля теплой плоти. Мягкий скос, достигая груди, резко вздымался. Если помять его руками, пурпурные соски поднимались навстречу друг другу. Чуть заметно дышащий живот. Растяжки. О них Нобору вычитал в пыльном красном томе, стоящем на высокой — не дотянуться — полке в отцовской библиотеке.

А потом Нобору увидел и те черные земли. Ему никак не удавалось их рассмотреть, даже глаза разболелись от напряжения... Он припомнил множество скабрзных слов, но и с помощью слов ему никак не удавалось проникнуть воображением в темные заросли.

Наверно, его приятели правы, и там ничего нет. Просто — дыра в теле. Ничего,

кроме пустоты. Интересно, она как-нибудь связана с пустотой его собственного мира?

В свои тринадцать Нобору был уверен, что умен и талантлив (как верили в это и все его приятели); что мир — это набор простых правил; что с самого рождения смерть прорастает в нас корнями, и нам ничего не остается, кроме как холить ее и лелеять; что размножение недостойно внимания, а значит, недостойно его и общество, окутавшее обычную функцию организма ореолом тайны; и наконец, что отцы и учителя совершают громадное преступление уже тем, что являются отцами и учителями. И значит, смерть отца — Нобору тогда было восемь лет — была событием скорее радостным, чем печальным.

Лунной ночью обнаженная мать, погасив ночник, стояла перед зеркалом! Ощущение пустоты в ту ночь лишило Нобору сна. В мягком лунном свете мир предстал в своей истине — в своей пустоте¹.

---

¹ Автор, вероятно, намекает на «Сутру Сердца Праджня-Парамиты» — «Праджня-парамита-хридая-сутра» (яп. «Ханья харамитта сингё») о пустотности всех элементов бытия и веры в возможность непосредственного постижения бодхисатвой истинной реальности «пустоты» как она есть.

«Если бы только я был амебой... — думал он, — мельчайший организм наверняка в состоянии одолеть окружающий мирок. А человеческий — ни то ни се, ничего одолеть не может».

По ночам в открытое окно залетал паровой гудок. В те вечера, когда мать бывала с ним ласкова, Нобору мог спать, не подглядывая. И тогда он видел сны.

Нобору гордился своим твердым характером и даже во сне не плакал. Сердце у него было твердое, как большой железный якорь, который в любую минуту готов хладнокровно погрузиться на самое дно, в портовую грязь, залежи битых бутылок, резины и старых башмаков, красных беззубых гребенок и железных пивных крышек... Он мечтал, что однажды вытатуирует якорь на своем сердце.

Как-то в конце летних каникул настала ночь, когда мать была с ним особенно строга. Настала внезапно, без предчувствий.

Матери с вечера не было дома. Она сказала, что в знак благодарности пригласит на ужин Цукадзаки — второго помощника, который вчера любезно показал Нобору суд-

но. Перед выходом мать, в черном кружевном платье, надетом на карминно-красную комбинацию и повязанном белым шифоновым поясом, выглядела особенно прекрасной.

Около десяти вечера она вернулась вместе с Цукадзаки. Нобору встретил их и слушал в гостиной морские рассказы подвыпившего второго помощника. В пол-одиннадцатого мать отправила Нобору спать. Проводила до двери и заперла на ключ.

Ночь выдалась нестерпимо душной. В нише комода воздух был спертый, и Нобору терпеливо выжидал возле комода, в любую секунду готовый прильнуть к щели. Было далеко за полночь, когда на лестнице раздались долгожданные шаги. Ручка его двери зловеще повернулась в темноте, — похоже, кто-то желал убедиться, что дверь заперта. Раньше такого не случалось. Наконец стукнула дверь спальни. Взмокший, Нобору втиснулся в нишу.

В одной из стеклянных створок распахнутого окна отражался свет переместившейся к югу луны. Второй помощник расстегивал на груди рубашку, прислонясь к подокон-

нику. Нобору видел спину приблизившейся к нему матери, они слились в долгом поцелуе.

Наконец мать, тронув пуговицы на его рубашке и что-то хрипло пробормотав, зажгла тусклый торшер и попятилась в сторону Нобору. Она разделась перед дверцей гардероба, в невидимом его глазу углу комнаты. Грозной змеей прошипел развязываемый пояс, прошуршало, падая, платье. Неожиданно из щели потянуло ее любимыми духами. Нобору не предполагал, что этот аромат может быть таким резким и сильным.

Второй помощник, стоя у окна, внимательно смотрел в его сторону. Глаза блестели на смуглом лице в свете торшера.

Соизмерив торшер с собственным ростом, Нобору прикинул рост второго помощника. Явно ниже ста семидесяти. Сто шестьдесят пять, может, чуть выше. Не самый крупный мужчина.

Медленно расстегнув пуговицы, Цукадзакки небрежно скинул рубашку.

Почти ровесник матери, он выглядел гораздо моложе и крепче сухопутных мужчин,

будто отлитый по судовой матрице. Широкие плечи, квадратные, словно крыша буддийского храма, рельефная волосатая грудь, мускулы, похожие на мотки сизальского троса, — казалось, тело его одето в доспехи из мышц, которые он с легкостью скинет в любую секунду. Наконец Нобору изумленно увидел продирающуюся сквозь густые заросли волос внизу живота, гордо вздымающуюся глянцевую пагоду.

На мощной грудной клетке, подсвеченной тусклым лунным сиянием, четко угадывалось дыхание волосков, рассеивающих причудливые тени. Опасно поблескивающие глаза неотрывно следили за женщиной. Отраженный уличный свет за спиной ровным золотым окаемом ложился на квадратные плечи, на массивной шее вздувались вены.

Мать раздевалась долго. Или, может, она специально тянула время.

Внезапно во всю ширь распахнутого окна прозвучал пароходный гудок и заполнил сумрачную комнату. То был крик самого моря, исполненный огромной, не знающей меры, темной навязчивой тоски, до краев загруженный всей страстью черного и гладкого,

как китовая спина, океанского течения, памятью сотен тысяч морских походов, восторгов и побед. Пароходный гудок вторгся в стены дома, полный ночного безумия, густой, как черный нектар морских пучин.

Второй помощник резко обернулся и взгляделся в море...

В этот миг Нобору почувствовал, как ему открылось нечто, с самого рождения скрытое в его душе и теперь позволившее ему стать свидетелем свершающегося чуда.

До пароходного гудка он не мог сложить вместе детали неясной картины. Все было готово — словно баночки с цветной краской ожидали своей очереди, — не хватало лишь кисти, которая вмиг позволит изображению проявиться на холсте.

Подобно взмаху кисти, пароходный гудок придал картине завершенность!

Все и правда было готово — луна, теплый соленый ветер, запах пота, аромат духов, обнаженные тела мужчины и женщины, след на воде от корабля, след в памяти от чужеземных портов, удушливая узкая щель, твердое мальчишеское сердце...

Но пока это были отдельные элементы «карута»¹, не несущие особого смысла. Благодаря пароходному гудку карты вмиг уловили космические связи, наметив неотвратимый круг, в котором соединились он и мать, мать и мужчина, мужчина и море, море и он.

Нобору едва не лишился чувств от духоты и блаженства. Только что на его глазах переплелись тонкие нити, создав священный образ. Их нельзя рвать. Возможно, их создал он сам, тринадцатилетний мальчишка.

«Их нельзя рвать. Если они порвутся, миру конец. Я пойду на все, лишь бы этого не случилось», — думал Нобору, засыпая.

---

¹ *Карута* — название карт в одноименной японской игре, где игроки должны правильно соединить друг с другом карты с написанными на них частями стихов.

Мисима Ю.

М 65 Моряк, которого разлюбило море : роман / Юкио Мисима ; пер. с яп. Ю. Чинаревой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-28924-6

«Моряк, которого разлюбило море», возможно, самый страстный роман Юкио Мисимы. Небольшое, но глубокое и символичное произведение отражает перелом в мировоззрении великого писателя, вернувшегося из кругосветного путешествия, и наполняет новыми смыслами его творчество.

Любовь мечтающего о славе моряка Рюдзи, чья жизнь крепко связана с морем, и овдовевшей Фусако сначала завораживает ее сына, тринадцатилетнего Нобору, который тайно следит за матерью и видит в Рюдзи воплощение истинного мужества, героизма и свободы. Но когда Рюдзи решает ради Фусако остаться на берегу, стать ее мужем и отцом для Нобору, это вызывает ожесточенное сопротивление мальчика. Чувства троих людей сплетаются в единый клубок, который невозможно распутать. Стремительные события ведут к внезапному и невообразимому финалу.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЮКИО МИСИМА
МОРЯК, КОТОРОГО
РАЗЛЮБИЛО МОРЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректор Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.04.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА' тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, к. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-38836-01-R